

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 1(54). С. 45–53.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;1(54):45–53.

Научная статья
УДК 338.24.01
doi: 10.47598/2078-9025-2022-1-54-45-53

ПЕРЕХОД ЭКОНОМИКИ НА НОВЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД: РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА И КРИМИНАЛИЗАЦИЯ

Елена Анатольевна Попова^{1✉}, Роман Сергеевич Рожков², Марина Станиславовна Соловцова³

^{1,2,3}Академия гражданской защиты МЧС России, Химки, Россия

¹s_elena97@mail.ru✉

²r.rozhkov@amchs.ru

³msolovtsova@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется сложившаяся экономическая обстановка в мире, обосновывается тезис о нарастающей мировой напряженности и возможной смене технологического уклада. Рассматриваются аспекты национальной и экономической безопасности. Анализируется структура теневой экономики России и возрастание криминализации в экономических процессах.

Ключевые слова: экономика, технологический уклад, национальная безопасность, экономическая безопасность, криминализация

Для цитирования: Попова Е. А., Рожков Р. С., Соловцова М. С. Переход экономики на новый технологический уклад: риски экономической безопасности государства и криминализация // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 1(54). С. 45–53. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-1-54-45-53>.

Research article

THE TRANSITION OF ECONOMY TO A NEW TECHNOLOGICAL ORDER: RISKS OF THE ECONOMIC SECURITY OF THE STATE AND CRIMINALIZATION

Elena A. Popova^{1✉}, Roman S. Rozhkov², Marina S. Solovtsova³

^{1,2,3}Academy of civil defense EMERCOM of Russia, Khimki, Russia

¹s_elena97@mail.ru✉

²r.rozhkov@amchs.ru

³msolovtsova@bk.ru

Abstract. The article analyzes the current economic situation in the world, substantiates the thesis of the growing global tension and the possible change of technological structure. The aspects of national and economic security are considered. The structure of shadow economy of Russia and increase of criminalization in economic processes are analyzed.

Keywords: economy, technological structure, national security, economic security, criminalization

For citation: Popova E. A., Rozhkov R. S., Solovtsova M. S. The transition of the economy to a new technological order: risks of the economic security of the state and criminalization. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;1(54):45–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-1-54-45-53>.

Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что на данном этапе развития как отечественной, так и мировой экономики наблюдается высокий уровень криминализации хозяйственных процессов, последствия которого в отдельных отраслях промышленности измеряются миллиардами рублей. Недоступление и неучетность финансовых потоков сказываются на эффективности и конкурентоспособности экономической системы государства и, как следствие, влияют на уровень жизни его населения.

Важным фактором в этом вопросе является нарастание международной напряженности в условиях мирового перехода на новый технологический уклад, влекущий за собой перераспределение финансовых потоков и усиление теневой экономической конъюнктуры [1].

Вашингтонский консенсус, принятый в 1970 году, декларировал развитие отстающих стран и предлагал механизмы «улучшения» жизнеспособности экономик данных государств. Эти механизмы, включающие в себя такие пункты, как отказ от внутренней кредитной системы, свободный плавающий курс национальной валюты (подразумевающий возможность ее свободного падения), таргетирование инфляции путем уменьшения денежной базы активно продвигались в отношении нашего государства и Международным валютным фондом.

В итоге российская экономика получила уменьшенную и деформированную модель американской экономической системы с недостаточно развитыми правовыми и управленческими институтами [2], формат которой, функционирующий как на микро-, так и на макроэкономическом уровнях, создал благоприятную почву для развития неформальных и незаконных схем в сфере экономической деятельности.

Кроме того, в условиях масштабной либерализации экономических процессов, регулирующая роль государства в экономике приобрела второстепенное значение, за исключением отдельных критически важных секторов, таких как оборонно-промышленный комплекс, являющийся одним из крупнейших промышленных блоков, на который государство оказывает прямое влияние. Помимо этого, трансформация технологических укладов обусло-

вила активное применение новых способов хозяйствования, внедрение инноваций, изменение организационных культур и применение новых управленческих практик. В совокупности все это привело к росту милитаризации и увеличению напряженности на международной политической арене и, в конечном счете, начало оказывать негативное воздействие на инвестиционный климат, внедрение инноваций и в целом развитие страны, регионов, предприятий и т. д.

Наибольшее значение в структуре будущего технологического уклада приобретают нано-, био- и информационно-коммуникационные технологии. Важными сферами становятся образование, здравоохранение и технологии, позволяющие нам комфортно ощущать себя в повседневной деятельности [3–4].

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что в складывающихся мировых экономических условиях перехода в фазу формирования нового технологического уклада, американская модель экономической системы начинает изживать себя, и мы как уменьшенная копия этой модели в качестве сырьевого придатка мировой экономики имеем перспективу стать и уже становимся одной из жертв изменения экономического лидерства и выхода на первый план азиатской модели хозяйствования, что может сказаться на трансформации отечественных форматов хозяйствования в сторону увеличения объема теневых экономических процессов [1].

Еще одним обстоятельством, которое хотелось бы отметить, является то, что Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» реализуется не в полной мере и идет в какой-то степени вразрез с макроэкономической политикой государства [5].

В п. 13 раздела II Стратегии национальной безопасности указано, что Российская Федерация продемонстрировала всему миру свою экономическую устойчивость и доказала способность противостоять внешнему санкционному давлению. Продолжается работа по снижению зависимости от импорта в ключевых отраслях экономики. Повысился уровень продовольственной и энергетической безопасности.

Тем не менее в настоящее время наблюдается высокая волатильность национальной валюты, увеличение инфляции, снижение реального уровня жизни населения. Так, прирост годовой инфляции по данным Центрального Банка России к октябрю 2021 г. составил 8,13%. Был зафиксирован максимальный с весны 2015 г. показатель месячного прироста потребительских цен. Основными категориями, обеспечившими такую динамику, стали плодоовощная продукция, повышение цен на которую составило около 50% этого прироста, и продукты питания животного происхождения — мясо, молоко и их производные, доля которых составила около 25% от общего показателя, что в определенной степени было вызвано фактом отставания предложения от спроса. Годовой показатель продовольственной инфляции составил 10,89%, что обеспечило прирост по сравнению с предыдущим периодом на 168 базисных пунктов [6]. В целом динамика роста потребительских цен в течение года имела устойчивый характер, что говорит о стабильном росте инфляционного давления (рис. 1).

Последствия экономического кризиса, связанного с пандемией коронавирусной инфекции, негативно сказались на уровне жизни огромного количества людей. В качестве мер поддержки, призванных смягчить негативное влияние данной ситуации, правительство Рос-

сийской Федерации существенно увеличило финансовую помощь различным социальным группам населения, таким как многодетные, малообеспеченные и семьи с детьми.

Снижение показателей уровня жизни российского населения достигло кульминационных значений с начала XXI века. По данным Росстата, снижение реальных располагаемых доходов населения по итогам II квартала 2020 г. составило 8%, что сравнимо с наихудшими значениями этого показателя в 2008 и 2016 гг., когда его уровень поднимался до 6,1 и 7,3%, соответственно [6]. Тем не менее наибольшее падение доходов российского населения в течение этого периода, зафиксированное в декабре 2008 г. и составившее 10,7%, на данный момент остается рекордным.

Статистические данные свидетельствуют, что у 70% российского населения среднемесячный доход не достигает размера в 25 тыс. руб. Численность живущих за чертой бедности (доходы менее 1 МРОТ) в 2020 году составила 7,7%, в 9 регионах показатель превысил 20% (рис. 2).

К россиянам, живущим за чертой бедности, относятся те, кто имеет доход ниже регионального прожиточного минимума, те же кто имеет доход меньше 50% от этой суммы относятся к живущим за крайней чертой бедности (рис. 3).

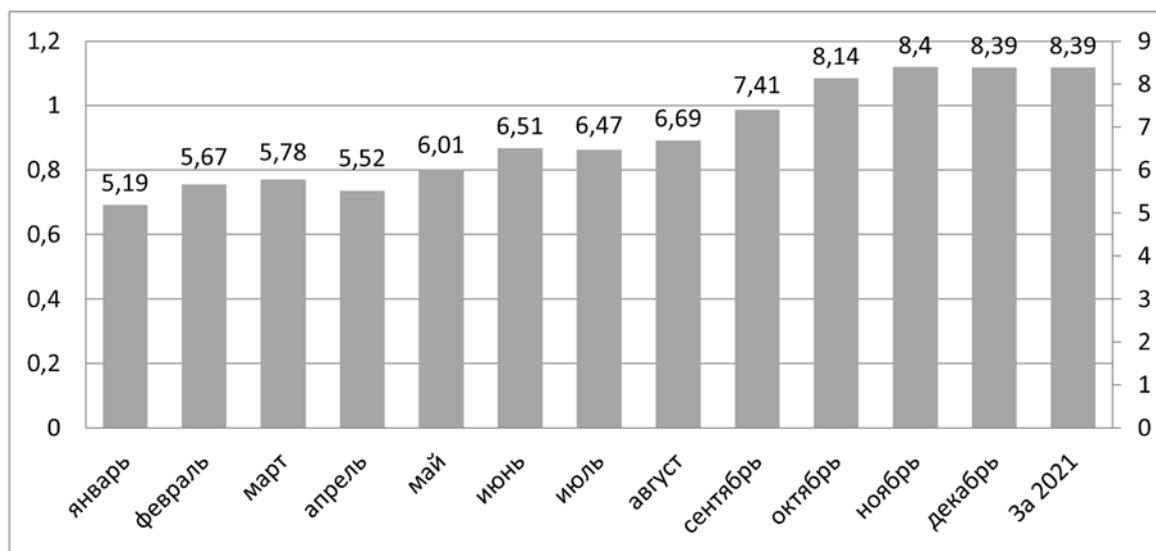

Рисунок 1 — Уровень инфляции в России в 2021 году

Figure 1 — Russian Inflation rate in 2021

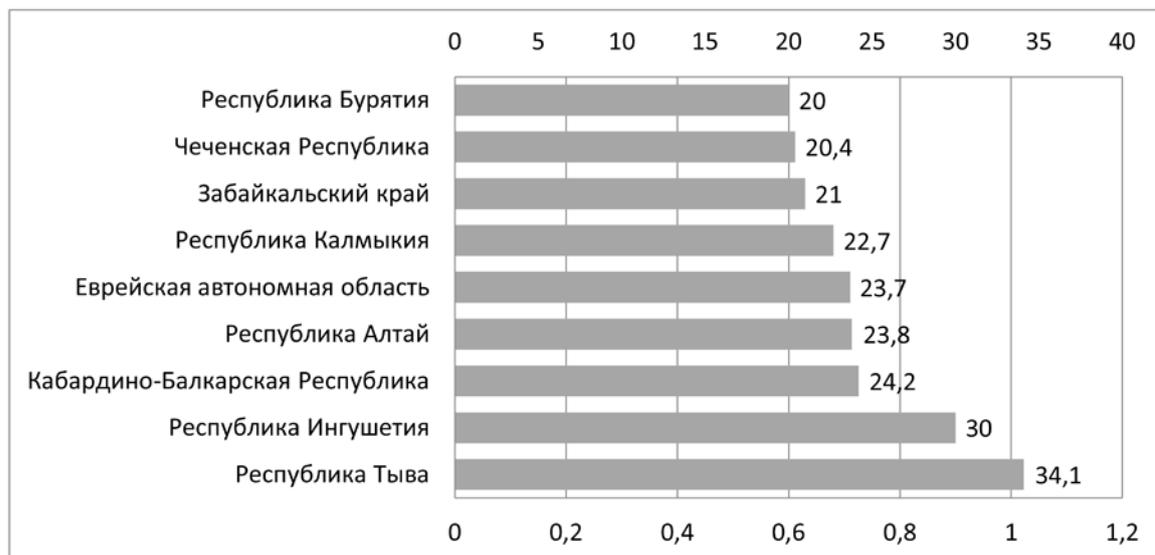

Рисунок 2 — Регионы Российской Федерации с наибольшим количеством населения, живущего за чертой бедности (%)
Figure 2 — Regions of the Russian Federation with the largest number of people living below the poverty line (%)

Рисунок 3 — Регионы Российской Федерации с наибольшим количеством населения, живущего за крайней чертой бедности (%)

Figure 3 — Regions of the Russian Federation with the largest number of people living below the extreme poverty line (%)

Данные показатели наглядно отражают текущее состояние экономического спада — по итогам мая 2020 г. рецессия российской экономики достигла значения в 10,7% в годовом выражении, в следующем месяце ситуация несколько улучшилась до значения в 6,4%, общий показатель за вторую четверть составил 9,6%. Характерной особенностью является неравномерность процессов рецессии в различных секторах экономики. Если в сфере строительства, где наблюдается наиболее благоприятная ситуация, произошло восстановление

показателей почти до уровней предыдущего года, то в сфере грузоперевозок уровень падения составил 9,3% в годовом выражении, а продажи легковых автомобилей упали на 14%.

Таким образом, говорить о восстановлении экономического роста на данный момент нельзя, тем не менее наблюдается тенденция к некоторому восстановлению экономической активности и замедлению процессов рецессии, что во многом обусловлено продолжающимися ограничительными мерами, связан-

ными с пандемией коронавирусной инфекции. Уровень падения валового внутреннего продукта (ВВП) российской экономики различные аналитические и рейтинговые агентства оценивают по-разному. Данные американской S&P, входящей в «большую тройку», указывают на спад величиной в 4,8% на фоне спада инвестиций на 10,3%, сокращения экспорта на 7,4%, вероятной девальвации и роста безработицы.

Однако, если говорить о таких показателях, как коэффициент Джини (статистический показатель степени расслоения общества страны, или региона, который используется для оценки экономического неравенства, в России равен 0,5–0,6); количество людей, живущих за чертой бедности (35 млн чел. — это около четверти населения России); способность россиян позволить себе приобрести недвижимость либо движимое имущество, совершать крупные покупки (розничный ритейл сокращается в целом на 15%), то можно поставить под сомнение процесс устойчивого социально-экономического развития в нашем государстве.

Социально-экономическое развитие представляет собой постепенные структурные и качественные изменения в экономике, производственных силах, факторах роста и развития, науки, образования, культуры, качества и уровня жизни общества, человеческого капитала. Для социально-экономического разви-

тия характерно воспроизводство общественных систем и прогрессивная направленность политики, информации и многих других сфер. Сбалансированность работы и состояние защищенности каждой из них отражается на национальной безопасности. Все сферы национальной безопасности функционируют как системы единого живого организма, и необходимо контролировать их функционирование.

Угрозы экономической и национальной безопасности исходят из внешнеэкономических и внутриэкономических факторов. Внешние факторы направлены на ослабление конкурентных преимуществ и дестабилизацию экономики. Внутренние факторы способствуют возможному ослаблению реального сектора экономики.

В рамках данного анализа особое внимание уделено анализу динамики преступлений экономической направленности в Российской Федерации на основе статистики МВД России [8]. Данные о годовых изменениях количества экономических преступлений в России представлены на рисунке 4.

В рамках минимизации криминального воздействия на экономику предлагается решать основные задачи, касающиеся обеспечения безопасности экономической деятельности:

- профилактика, предупреждение и предотвращение рейдерских захватов, иных преступных и противоправных действий в хозяйственно-финансовой сфере, осуществляемых в том

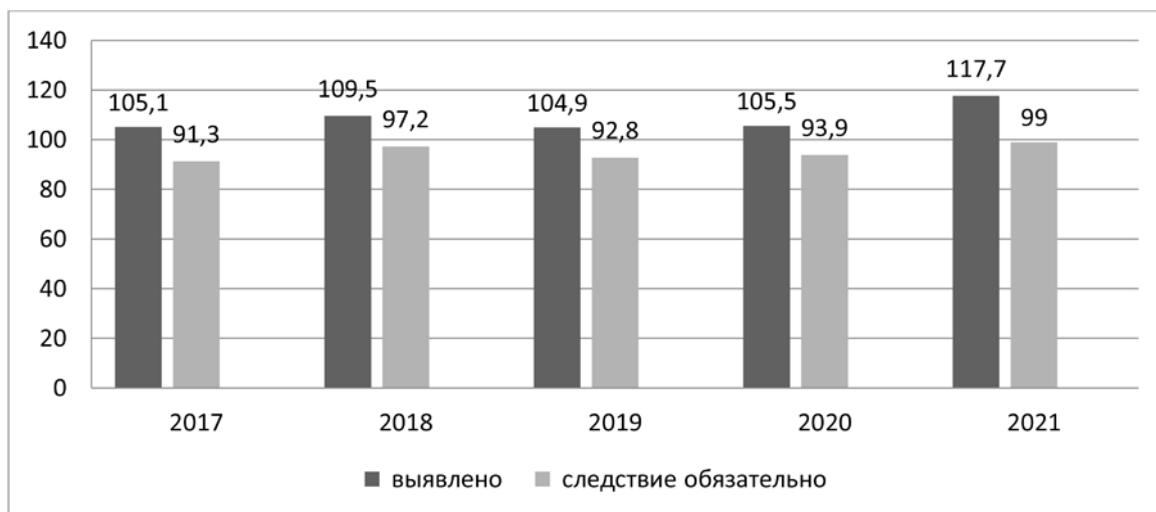

Рисунок 4 — Количество преступлений экономической направленности за 2017–2021 гг. (тыс.)

Figure 4 — The number of economic crimes for 2017–2021 (thousand)

числе с вовлечением представителей правоохранительных, регулирующих и контрольно-надзорных органов, государственных корпораций и компаний с преобладающим участием Российской Федерации [7];

- создание условий, исключающих возможность сращивания интересов должностных лиц бизнес-структур и представителей государственных органов, профилактика и предупреждение формирования коррупционных схем их взаимодействия, в том числе с участием в этих схемах представителей бизнеса иностранных государств;

- предотвращение преднамеренного банкротства и иных противоправных действий в отношении субъектов экономической деятельности.

Как видно из поставленных задач, в обществе имеется понимание возможности преступного сращивания должностных лиц и бизнес-структур.

Криминализация экономики тесно связана с теневой экономикой, в структуре которой основными являются следующие сектора:

- неформальная или так называемая «серая» экономика, представляющая самый обширный сектор теневой экономики, значительной частью которого является сфера услуг, включающая в себя законные виды деятельности, такие как услуги по ремонту, сдача жилья, медицинские услуги и т. п., в которой налоговые агенты скрывают от государства свои доходы, чтобы не платить налоги;

- фиктивный или так называемый «беловоротничковый» сектор, представителями которого являются, как правило, менеджеры руководящего звена коммерческих организаций, государственные служащие в странах с развитым государственным сектором экономики и лица, имеющие возможность распоряжения общественной собственностью, обогащение которых происходит путем использования незаконных способов получения денег, таких как приписки, хищение, очковтирательство, мошеннические схемы и т. д.;

- незаконная или так называемая «черная» экономика — запрещенная на законодательном уровне деятельность, к которой относятся такие виды как торговля наркотиками, нелегальный оборот оружия, изготовление фаль-

шивых денег, контрабанда, работорговля, заказные убийства и похищения людей, иные преступные действия.

Основными факторами, влияющими на рост объемов теневой экономики в Российской Федерации, являются:

- финансово-экономические факторы, такие как недостаточная проработанность налоговой системы, хищение бюджетных средств и т. д.;

- юридически-правовые факторы, такие как несовершенство законодательной системы в виде различных «лазеек» в законодательстве, лоббировании законодательной деятельности, коррумпированности законодательной ветви власти и т. п.;

- административные факторы, такие как излишняя бюрократизированность различных процедур, и как следствие, их низкая эффективность, неразвитость института обращения граждан [7].

Количественное определение составляющих теневой экономики является довольно затруднительным в силу того, что воссоздание полной картины процессов, происходящих в этой сфере, не представляется возможным в связи с тем, что имеющиеся в этой области массивы данных ограничены количеством выявленных случаев, в то время как количество остальных невыявленных случаев остается неизвестным благодаря скрытности характера данных видов экономической деятельности. Количественное соотношение среди выявленных случаев экономических правонарушений отражено на рисунке 5.

В целом доля теневой экономики от ВВП меняется с течением времени. Показатели теневой экономики представлены на рисунке 6.

Проанализировав рисунок 6, можно сделать вывод, что средний мировой показатель находится в районе 21%. Для России прогнозируется 39%. Высокий процент теневое сектора говорит еще и о том, что в настоящее время от налогов укрывается порядка 200 млрд долларов, около 100 млрд выводятся в офшоры. Уровень теневой экономики на данный момент достигает 35–40% от ВВП. Если считать ВВП в долларах (1,5 трлн долларов США), то 600 млрд долларов — это теневая экономика.

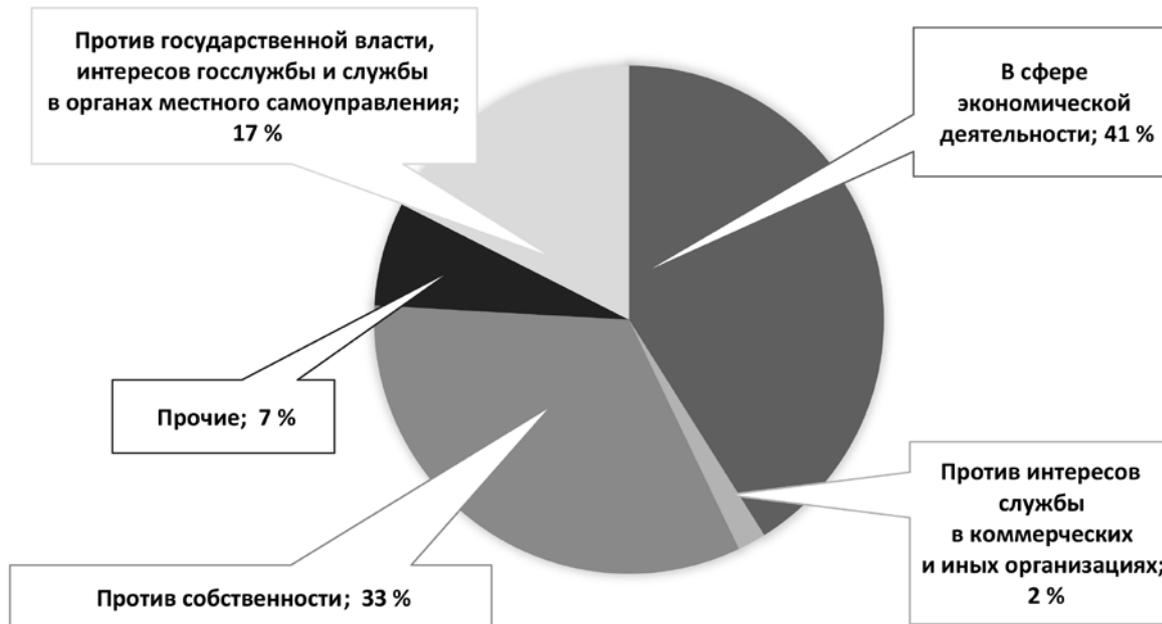

Рисунок 5 — Соотношение видов преступлений экономической направленности в России в 2021 г.

Figure 5 — The ratio of types of economic orientation crimes in Russia in 2021

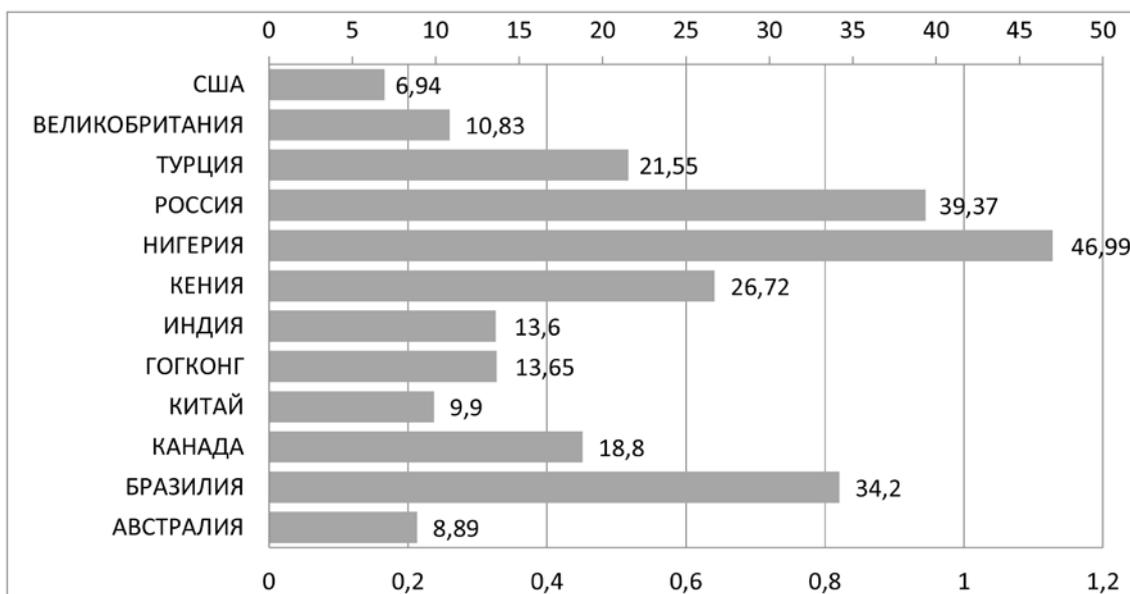

Рисунок 6 — Доля теневой экономики от ВВП к 2025 г.

Figure 6 — The share of the shadow economy in GDP by 2025

В таких условиях целесообразно акцентировать внимание на организационно-экономических механизмах снижения доли теневой экономики и проводить экономические мероприятия по противодействию теневому сектору:

1. Регулировать ставки налогов на основе модели Лоффера с учетом экономической ситуации в стране.

2. Обеспечить оптимальность и гибкость бюджетно-налоговой системы.

3. Формировать систему устойчивых правовых и управленческих институтов.

4. Реформировать системы расчетов между хозяйствующими субъектами, внедрять электронные подписи и увеличивать электронные платежи.

5. Надежно защищать легитимно приобретенную собственность.

6. Усилить контроль за расчетными межгосударственными операциями.

В целом проведенное исследование и анализ макроэкономических показателей и международной экономической обстановки позволяют сделать следующие выводы:

1. Нарастает международная напряженность, происходит подготовка мировой экономической конъюнктуры к смене лидирующей модели хозяйствования. Формат «пирамидальной» американской финансовой долларовой

модели является, по сути, инфляционным и может нести инвестиционные риски, несмотря на устойчивое положение в реальном времени.

2. Стратегия национальной безопасности реализуется не в полной мере.

3. Теневой сектор экономики высоко криминализован и составляет около 40 % от ВВП.

4. Необходимо усилить государственный валютный контроль по всем операциям в сфере международных расчетов для повышения эффективности борьбы с экономическими преступлениями.

Список источников

[1] Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 27–42.

[2] Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке. Часть 1 // Экономическая наука современной России. 2016. № 3. С. 7–17.

[3] Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке. Часть 2 // Экономическая наука современной России. 2016. № 4. С. 10–22.

[4] Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М. : Территория будущего, 2007. 472 с.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

[6] Инфляция по данным Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/inflyatsiya/>

[7] Буторин В. К., Ткаченко А. Н., Шипилов С. А. Основы экономической безопасности : в 3 т. Т. 1. Системные концепции экономической безопасности. М. : Кемерово : Российские университеты : Кузбассвузиздат-АСТШ, 2007. 485 с.

[8] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2021 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552>

References

[1] Glazyev S. Yu. Glazyev S. Yu. The modern theory of long waves in the development of the economy. *E`konomicheskaya nauka sovremennoj Rossii = Economic science of modern Russia*. 2012;(2):27–42. (In Russ.).

[2] Glazyev S. Yu. On a new paradigm in economic science. Part 1. *E`konomicheskaya nauka sovremennoj Rossii = Economic science of modern Russia*. 2016;(3):7–17. (In Russ.).

[3] Glazyev S. Yu. On a new paradigm in economic science. Part 2. *E`konomicheskaya nauka sovremennoj Rossii = Economic science of modern Russia*. 2016;(4):10–22. (In Russ.).

[4] Arrighi J. The Long Twentieth Century. Money, power and the origins of our time. Moscow: Territory of the Future; 2007. 472 p. (In Russ.).

[5] Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 „On the National Security Strategy of the Russian Federation”. (In Russ.). Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

[6] Inflation according to Rosstat. Available from: <https://rosinfostat.ru/inflyatsiya/> (In Russ.).

[7] Butorin V. K., Tkachenko A. N., Shipilov S. A. Fundamentals of economic security: in 3 volumes. Vol. 1. System concepts of economic security. M.: Kemerovo: Russian Universities; Kuzbassvuzizdat-ASTSH; 2007. 485 p. (In Russ.).

[8] Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January — December 2021. (In Russ.). Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552>

Информация об авторах

Е. А. Попова — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономики, менеджмента и организации государственных закупок Академии гражданской защиты МЧС России;

Р. С. Рожков — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и организации государственных закупок Академии гражданской защиты МЧС России;

М. С. Соловцова — старший преподаватель кафедры экономики, менеджмента и организации государственных закупок Академии гражданской защиты МЧС России.

Information about the authors

E. A. Popova — Candidate of Science (Historical), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Economics, Management and Organization of Public Procurement, Academy of Civil Defense EMERCOM of Russia;

R. S. Rozhkov — Candidate of Science (Economics), Associate Professor at the Department of Economics, Management and Organization of Public Procurement, Academy of Civil Defense EMERCOM of Russia;

M. S. Solovtsova — Senior Lecturer at the Department of Economics, Management and Organization of Public Procurement, Academy of Civil Defense EMERCOM of Russia.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 14.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 14.03.2022; accepted for publication 23.03.2022.